

ЮРИЙ ЕМЕЛЬЯНОВ

ГОД ИСТОРИИ? ЭТОГО МАЛО

Указ бывшего президента РФ Д. А. Медведева о проведении Года истории вызывает смешанные чувства. С одной стороны, недавний опыт показывает, что интерес государства к истории, рожденный сиюминутными политическими соображениями, может дать малозначительные результаты. Об этом свидетельствует судьба президентского указа № 549 от 15 мая 2009 года, в соответствии с которым была создана комиссия при президенте РФ по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России. Уже спустя почти три года стало ясно, что комиссия оказалась бесплодной, так как фальсификация истории в материалах средств массовой информации беспрепятственно продолжалась. 14 февраля 2012 года указом президента комиссия была ликвидирована.

С другой стороны, вряд ли стоит ограничивать внимание к истории каким-то одним годом или периодом. Интерес к истории России постоянно проявляют многие граждане нашей страны, занятые изучением прошлого или распространением исторических знаний. Помимо преподавателей, профильных НИИ, работников музеев к ним относятся миллионы людей, включая членов Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры, участников поисковых отрядов, посетителей сайтов в интернете, посвященных исторической тематике.

Подавляющая часть населения страны считает: знать прошлое страны необходимо. Отвечая на вопрос службы РОМИР, 67% согласились с тем, что «каждый гражданин России должен хорошо знать историю своей страны». Скорее согласились с этим утверждением, чем не согласились, 26% опрошенных. Категорически не согласились с этим лишь 2%, а 7% скорее были не согласны, чем согласны. Но насколько такие настроения соответствуют уровню знаний об истории среди населения?

Известно, что даже самые отсталые в техническом развитии племена, не имевшие письменности и не умевшие добывать огонь, прочно сохраняли в памяти предания о деяниях своих предков. Этнографы записали длинные родословные, а также сказания о природных катастрофах, сражениях с врагами племени, своих героях и вождях, которые неграмотные люди знали наизусть. Порой по архаическим словам, использованным в эпосе, удавалось установить, что его создание относится к невероятно далеким временам. Так, в ритуальных песнях современного племени тода, живущего на юге Индии, этнограф Л. В. Шапошникова обнаружила слова, схожие с лексикой народов древней Месопотамии. Сохранение в неприкосновенности элементов языка народа, исчезнувшего несколько тысячелетий назад, свидетельствует о высо-

ко развитой памяти тех, кого считают примитивными и чуть ли не умственно отсталыми.

Помнят ли граждане России памятные события прошлого, имена великих людей?

Знают ли у нас историю?

“По сути – это пиррова победа, – говорю я студентам и тут же спрашиваю их: – Кто такой Пирр?” Увы, как и на другие подобные вопросы, я не получаю ответа.

“Что такое “пятая колонна?”” В ответ – молчание. “Когда произошел поджог рейхстага?”. Решается ответить лишь староста курса: “Рейхстаг был подожжен, когда наши войска брали Берлин”. Про Ван дер Люббе, Лейпцигский процесс, а также про то, что понятия “поджог рейхстага”, “пиррова победа”, “пятая колонна” стали нарицательными для обозначения схожих событий, студенты последнего курса гуманитарного института не знают.

Я думаю, что у студентов плохо с буквой “П”, а поэтому пробую задавать вопросы относительно предметов, начинающихся с других букв: “Вы – москвичи, а потому слышали про улицу Миклухо-Маклая и Мичуринский проспект. Кем были Мичурин и Миклухо-Маклай?”. Я вижу перед собой лишь недоуменные лица. О том, что имена многих русских ученых неизвестны нынешней молодежи, я уже знал по опросу, проведенному среди старшеклассников одного из регионов России. В то время, как они назвали два десятка марок автомобилей и около полутора десятков “брендов” жевательной резинки, они смогли назвать лишь двух отечественных ученых – Ломоносова и Менделеева.

Плохие знания по истории обнаруживают не только представители молодого поколения. Ещё три года назад в России ВЦИОМ провел опрос, в ходе которого были проверены знания истории населением страны всех возрастных групп. Оказалось, что на 8 вопросов по истории из программы 11-го класса смогли ответить верно лишь 2% опрошенных. Лишь 4% смогли правильно ответить на 7 вопросов. Лишь 8% дали правильные ответы на 6 вопросов. И это несмотря на то, что в стране много людей, глубоко интересующихся историей.

О том, что даже наиболее значительные события в истории нашей страны многие не знают, убедилась моя супруга, когда она в беседе со своей знакомой сказала, что скоро поедет на Куликово поле. Услыдав это, ее знакомая расхохоталась. Очень уж смешным показалось ей слово “Куликово”. Оказалось, что эта уже немолодая женщина, которая принадлежит к зажиточному слою населения и увлекается писанием икон, никогда не слышала о поле, на котором произошла великая битва. Увы, она не одинока. Опрос, проведенный в прошлом году, показал, что для 39% россиян словосочетание “Куликовская битва” ничего не говорит. Среди остальных лишь немногие могли точно назвать время этого сражения. При этом иные считали, что оно произошло не то в XIX, не то в XX веке.

“С чего начинается Родина?”

Страница, на которой была описана Куликовская битва в школьном учебнике, была перевернута и вскоре забыта.

Такое не могло произойти со многими из моих сверстников в нашем детстве. Вместе со всеми детьми военной и довоенной поры я узнал про Куликовскую битву задолго до поступления в школу. Мне было три года, когда мне подарили набор картонных солдатиков, которые изображали воинов Куликовской битвы из войск Дмитрия Донского и Мамаю. Такие наборы были выпущены в 1940 году по случаю 560-летия этого сражения. Не будучи еще знакомым с историей, я разыгрывал Куликовскую битву, распевая “Бородино”. Я запомнил наизусть это стихотворение Лермонтова, пока моя сестра учила его вслух, готовя домашнее задание.

Так же рано узнавали мы про Ледовое побоище. Через пару лет я и мои сверстники в Барнауле, в котором я оказался во время эвакуации, бегали по двору с фанерными щитами, на каждом из которых был изображен леопард,

как у Александра Невского из одноименного фильма. Примечательно: мы играли в “разгром немцев под Москвой”! Такое совмещение исторических эпох было естественным в то время. На стенах барнаульских домов можно было видеть плакаты со стихами: “Бьёмся мы здорово! Рубим отчаянно! Внуки Суворова, дети Чапаева!”. На этом плакате художники Кукрыниксы изобразили бойцов Красной Армии, а за ними – силуэты Чапаева, Суворова и Александра Невского.

Там в Барнауле, едва научившись читать, я по многу раз перечитывал журнал “Мурзилка”, в котором был очерк о Куликовской битве. Очерк был “с картинками”. На рисунке, который занимал две журнальные страницы, русские воины держали хоругви с ликами Иисуса Христа. В центре рисунка сошлись в смертельной схватке инок Пересвет и батыр Челобей. Текст сопровождался выдержками из поэмы Рылеева об этом сражении.

Вместе со строками Лермонтова и Рылеева в сознании прочно внедрялись даже такие незнакомые слова, как “инок”, “дружина”, “дубрава”, “бивак”, “кивер”, “драгуны”, “уланы”. Завораживали лермонтовские строки: “Звучал булат, картечь визжала”. Страшно становилось от слов: “И ядрам пролетать мешала гора кровавых тел”. Восторг вызывала фраза из поэмы Рылеева: “К концу клонился бой кровавый и черный стяг был пасть готов, как вдруг орлом из-за дубравы Волынский грянул на врагов!”. В памяти оставалось неизгладимое впечатление о величии и героизме сражений за свободу и независимость нашей Родины, о чем чуть ли не ежедневно напоминали приказы Верховного Главнокомандующего.

Во что же играют нынешние дети и по каким источникам они впервые узнают о прошлом нашего народа? Баталии в “стрелялках” и других компьютерных играх, как правило, разворачиваются в неких странах неопределенного местоположения. Первые мультфильмы, которые смотрят наши дети, сработаны в студии Уолта Диснея. Затем дети привыкают к кинофантазиям про хоббитов и школу колдунов, в которой учится Гарри Поттер. Удивительно ли, что, поступая в школу, слова “Куликовская битва”, “Полтавский бой”, “Александр Невский”, “Александр Суворов” не вызывают в их памяти отклика, а читая “Бородино”, они могут споткаться на словах “лафет”, “редут”, “бусурманы”?

И все же есть исключения. 4 марта этого года я был наблюдателем на одном избирательном участке Москвы во время президентских выборов. Некоторые избиратели по сложившейся еще в советские годы привычке приходили с детьми и внуками, чтобы те опустили избирательные бюллетени в урны для голосования. Одна из бабушек пришла с внуком, который для членов избирательной комиссии и наблюдателей стал декламировать “Бородино”. Маленькому Саше всего пять лет, но стихотворение Лермонтова он знает наизусть.

“Эту песню не задушишь, не убьешь!”

Помимо детских игр и стихотворений, заученных в детстве, с первых лет жизни запоминаются песни, которые несут в содержании и происхождении память о далекой истории. 2500 лет назад Конфуций учредил песенный канон, который он рассматривал как важный инструмент сохранения исторической памяти китайского народа, особенно необходимый в тогдашний период безвременья и разложения Китая. Прошло 1800 лет после смерти великого мыслителя, Китай оказался под властью монгольской Юаньской династии, а в пьесах, которые ставили в китайских театрах конца XIII века, действующие лица напоминали зрителям о “Книге песен”, составленной Конфуцием. В этих спектаклях звучали древние песни страны, а сами песни были посвящены еще более давним временам. Так театр помогал своей аудитории не забывать о великой истории Китая.

История нашей страны не столь длинна, как китайская, и все же у нашего народа сохранилось немало песен, имеющих более чем вековую историю. 70 с лишним лет назад известную и ныне песню “Метелица” с блеском исполнял в фильме “Музыкальная история” знаменитый Сергей Лемешев. Но еще в начале XIX века благодаря писателю И. И. Лажечникову стало ясно, что эта песня имеет давнюю историю: в его романе “Ледяной дом”, действие которого происходит при Анне Иоанновне, князь Волынский поет “Метелицу” на улице Санкт-Петербурга. Но песня влюбленного родилась еще

раньше. Некоторые исследователи утверждают, что она была сочинена в Москве в середине XVII века.

Песня семейных застолий про Ермака, который “сидел объятый думой... на тихом берегу Иртыша”, также уводит в далекую старину. Сочинил текст этой песни Рылеев, и речь в ней идет о событиях 6 августа 1585 года.

В давние времена уводят звучащие и ныне песни о Степане Разине. Память о героических и трагических событиях русско-японской войны 1904–1905 гг. хранят “На сопках Маньчжурии” и разные варианты песни о походе “Варяга”.

Но часто ли мы можем услышать эти песни по радио или по телевидению? Зато непрерывно гремят песни, не имеющие ничего общего ни с музыкальной, ни с исторической традицией наших народов. Нередко русские исполнители поют на английском языке. Между тем, как и в древнем Китае, песни могли бы послужить инструментом возрождения исторической памяти. Возможно, это понимают энтузиасты, которые размещают на сайтах интернета тексты и мелодии тысяч любимых народом песен.

Первые уроки истории

В течение многих тысячелетий свои первые уроки истории люди получали через воспоминания родных и близких. Пару десятилетий назад я часто наблюдал повторяющуюся сцену: житель нашего дома Иван Андреевич выходит со своим внуком и идет в сторону парка. Я знал, что весь долгий путь Иван Андреевич будет рассказывать внуку о прожитой жизни. Он расскажет ему про сибирский город, в котором он начинал трудовую жизнь, про то, как выучился на шофера, а затем, став танкистом, прошел боевой путь от Дона до Балатона.

По себе знаю, какое неизгладимое впечатление оставляли рассказы моих родителей о прожитой ими жизни. Вспоминая про дореволюционную жизнь в приволжских городах, моя мама рассказывала о приезде в Кострому царской семьи в 1913 году по случаю 300-летия дома Романовых. Она говорила, как расплакалась, обнаружив, что ничего не видит за спинами взрослых, а жанدارм, услышав ее плач, поставил её впереди себя, и тогда она смогла созерцать всю царскую семью. Мама сохранила в памяти детское восхищение великими князьями, жалость при виде больного цесаревича, которого на руках нес матрос, и разочарование “простым” видом царя, которого ожидала увидеть в короне и мантии. Вспоминала мама, как через пять лет она декламировала отрывок из “Полтавы” на школьном концерте в 1918 году, а ее похвалил нарком Луначарский, который потом читал отрывок из собственной поэмы о Фаусте, который строил идеальный город. Этот город автор поэмы назвал Троицбургом.

Отец, который в раннем детстве с родителями выехал из-под волжского города Хвалынского в Баку, вспоминал своего деда, награжденного медалью “За покорение Чечни и Дагестана”. Отец запомнил, как в 1905 году незнакомый офицер приказал установить возле их домика из досок пушку, чтобы выстрелами в воздух разогнать участников кровавого столкновения между армянами и азербайджанцами. Офицер боялся, что халупа, в которой жила семья отца, развалится от сотрясения воздуха во время пушечной стрельбы, и приказал всем покинуть жилище. Резня между представителями двух народов вспыхивала и впоследствии. Отец вспоминал, как их полк Бакинской коммуны, состоявший в основном из русских, взбунтовался, когда красноармейцы стали свидетелями расправ армян из другого красного полка над азербайджанскими крестьянами.

Отец и мать были членами партии, но они рассказывали то, о чем не писали в советских учебниках по истории и что даже вступало в противоречие с ними. Хватает ли сейчас времени у нынешних отцов и матерей, дедушек и бабушек, чтобы рассказать про свою былую жизнь? Есть ли терпение у нынешних детей и внуков, чтобы выслушать эти рассказы? Порой кажется, что традиция семейных воспоминаний угасает под натиском телевидения и интернета. Наконец, насколько нынешние люди свободны от того, чтобы не подогнать свои воспоминания под представления о прошлом, настойчиво внедряемые большинством средств массовой информации?

И все же семейных рассказов о прошлом недостаточно для формирования исторического сознания. Для того чтобы первые впечатления о прошлом стра-

ны превратились в основы исторического сознания, нужна хорошая школьная подготовка, в ходе которой отрывочные сведения укладываются в строгий порядок хронологических таблиц и четкой периодизации. В советской школе первые уроки истории проходили в 4-м классе, затем к пройденным этапам прошлого возвращались, постепенно углубляя знания из года в год.

Успешному усвоению знаний способствовало мастерство преподавателей. Наш преподаватель истории Николай Игнатъевич Ермишкин вел уроки увлеченно и изобретательно. Николай Игнатъевич постоянно контролировал, как мы усваиваем обильный материал. Помимо тех, кого он вызывал отвечать к доске, он усаживал на первые парты шестерых школьников, которым приказывал писать сочинения по истории.

Николай Игнатъевич оценивал эти сочинения строго. Важно было не просто назвать верные даты и имена царей, а дать осмысленное объяснение исторических событий и процессов. Так он обучал нас историческому мышлению. Вряд ли с помощью тестов ЕГЭ можно этому научить.

Телевидение как окно в прошлое

Однако изучение истории не завершается школьной программой. В течение всей жизни люди могут получать новую информацию о прошлом. На вопрос службы РОМИР: “Что для Вас служит основным источником информации по истории нашей страны?” 60% из опрошенных ответили: “Телевидение”.

Известно, что картинка воспринимается гораздо эффективнее, чем слово. Другой особенностью зрительного восприятия является его конкретность. Изображение заменяет абстрактные понятия. В своей книге “Ответный удар” Маршалл Маклюэн писал, что кинематограф и телевидение вернули человечество к символам, стоящим за словами языка, и таким образом отбросили его на 3000 лет назад к дословному языку звуковых и зрительных образов.

Следствием этого является неспособность многих телезрителей рассказать об увиденном. Американские социологи установили, что подавляющее большинство телезрителей не могли пересказать содержание передачи, даже если их об этом спрашивали тотчас после ее окончания. Конкретные зрительные образы, воспринятые телезрителями, не были осмыслены ими, и им трудно было перевести увиденное в слова.

После урагана “Катрин” российский тележурналист встретился с группой русских студентов, оказавшихся в Новом Орлеане во время природной катастрофы. Беседы не получались: юноши и девушки могли лишь размахивать руками и ограничиваться односложными невразумительными восклицаниями.

Телеизображение может послужить яркой иллюстрацией для уже сложившихся представлений об историческом событии. Но как можно по-настоящему узнать о прошлом, лишь бегло упоминая об исторических характеристиках событий, именах людей, принимавших в них участие, географических названиях?

Между тем, зная особенность своего жанра, телережиссеры стараются как можно меньше показывать “говорящие головы” и как можно больше — “картинки”. Поэтому в сюжете передачи “Сегодня” от 9 мая 2012 года историк, который добросовестно говорил о значении Смоленского сражения 1941 года для срыва германского блицкрига, заметно проигрывал по сравнению с журналистом Ю. Кучинским, который показывал могилы красноармейцев и гать, проложенную в болотистой местности. Игнорируя слова историка, Кучинский создавал впечатление, что Смоленское сражение было лишь грандиозным поражением Красной Армии. В подтверждение этой идеи мы видели, как тележурналист шел по болотам, в которых могли потонуть солдаты, и кладбищу, на котором они могли быть захоронены. Какой-то парнишка, который, судя по его виду, не мог быть даже сыном участника сражений, бойко сообщал, что на участке в 7 километров погибло 200 тысяч красноармейцев. Зная, что, следя за его передвижением по гати и могилам, зрители не смогут запомнить цифры, Кучинский смело добавлял, что к началу сражения в советских дивизиях было не более 500 человек. Получается, что только на этой переправе через Днепр было уничтожено около 400 советских дивизий, то есть раза в 2 больше, чем всех дивизий Красной Армии, сражавшихся в это время против гитлеровских войск.

Краткие словесные заявления служат лишь для закрепления в сознании смысла увиденного. Зная эффективность зрительного образа, телемастера настойчиво повторяют одни и те же кадры черно-белой кинохроники из передачи в передачу: снова и снова с колоколен сбрасывают колокола, кого-то расстреливают, множество людей возит тачки или что-то приколачивает, по Красной площади идут колонны демонстрантов с гигантскими портретами Сталина. Эти образы прочно соединяются с повторяющимися словами: “ГУЛАГ”, “массовые расстрелы”, “сталинские репрессии”, “тоталитарный режим”.

Другой особенностью телепередачи является ее краткость. Во время передачи “Суд времени”, в которой я не раз принимал участие, Н. Сванидзе предупреждал: “Вам будет дано не более трех минут на изложение ваших взглядов. Три минуты на телевидении – это очень много!” Нередко целые исторические периоды, которым посвящены пухлые тома, излагаются за полчаса или час в передаче, еще и прерываемой рекламой. В соответствии с жанром телепередачи (вне зависимости от того, показывают ли серию “мыльной оперы” или реконструкцию исторических событий) мы должны увидеть ее завязку, кульминацию и развязку. Разумеется, при этом многие сложности и противоречия исторического события уходят на задний план или исчезают.

Поэтому изложение исторической правды происходит в стиле бурно развивающейся драматической сцены с привлечением трюков. Рассказ о двух предвоенных годах (1939–1941 гг.) в телепередаче “Роковые решения” (продюсер – Алексей Пивоваров) знаменателен тем, что в нем активно используются приемы цирковых фокусников, которые вытаскивают из хитроумных конструкций нужные им предметы. Вместо географических карт и реальных документов нам постоянно показывали комнаты с картонными стенами, которые должны были олицетворять европейские страны. Если иллюзионист с помощью искусно сделанного ящика или чемодана может создать впечатление того, что в нем бесследно пропали люди и предметы, то в фильме Пивоварова в этих картонных комнатах исчезли подлинные события между октябрем 1939 года и июлем 1940 года. Зато зрители видели, как в комнаты из картона, в которых “обитали” поляки, белорусы, украинцы, эстонцы, латыши и литовцы, вламывались красноармейцы. Они теснили обитателей прикладами. Один из красноармейцев грубо схватил квартиранта и вытолкнул его из дома. Расчет создателей прост: географическую карту и текст документа телезрителю не так легко воспринять, а сцены вторжения в кукольные домики даже невнимательные зрители могут запомнить.

По Пивоварову, Красная Армия не освобождала украинцев и белорусов от многолетнего гнета польских панов, а лишь грубо ворвалась в домик, населенный мирными жителями довоенной Польши. Лишь на несколько секунд мелькнули документальные кадры, и мы увидели на улицах городов и сел множество людей, приветствующих приход Красной Армии в сентябре 1939 года. Но авторы фильма поспешили сообщить, что местное население просто хотело заполнить офицеров-квартирантов, чтобы на этом подзаработать. До фильма Пивоварова даже злые враги Советской власти не додумались утверждать, будто сотни тысяч украинцев и белорусов, вышедших радостно встречать красноармейцев, это – владельцы квартир, заманивающие потенциальных жильцов.

Правда, степень воздействия телепередач на зрителей не безгранична. Только в том случае, если на телеэкране развертывается зрелище, захватывающее аудиторию, будь то футбольный матч или фильм, сделанный столь же искусно, как сериал “Семнадцать мгновений весны”, внимание зрителя предельно сосредоточено. Во многих случаях телепередачи просматриваются рассеянно, а их содержание не закрепляется в памяти. Гораздо внимательнее зрители смотрят спектакли в театре или фильмы в кинотеатрах.

Дело в том, что степень мобилизованности внимания театрального зрителя или посетителя кинотеатра намного выше, чем у телезрителя. Еще до того, как вы уселись в зрительном зале театра или кинотеатра, вы начали настраиваться на предстоящее зрелище. Более того, чем больше усилий у вас ушло на подготовку к посещению, тем выше уровень вашей внутренней мобилизованности.

Осенью 1978 года я стал свидетелем разговора народного артиста СССР Аркадия Райкина с космонавтом СССР Георгием Гречко перед началом прямой связи с космическим кораблем, на котором находились космонавты

В. В. Ковалёнок и А. С. Иванченков. В ответ на замечание Георгия Гречко о том, с каким трудом ему приходилось в юности доставать билет на спектакль Райкина, последний сказал: “Вот это и хорошо, что с трудом”. Артист рассказал, что он и другие актеры не любили так называемые “шефские” концерты. На них они выступали перед зрителями, которые получили билеты без труда, а потому были более озабочены тем, как вели себя в зрительном зале их коллеги по работе, чем содержанием спектакля. “А так как вы выстрадали ваш билет, ваше внимание было полностью приковано к сцене”, – утверждал Райкин.

Для просмотра телепередачи зритель не должен покупать билет. Он находится в привычной домашней обстановке, которая располагает к “демобилизованному” состоянию. А ведь освоение исторического материала требует сосредоточенного внимания к датам, историческим событиям, видным деятелям прошлого, географическим названиям, а также оценкам и выводам историков. Чтобы запомнить многие непривычные имена, цифры, часто необходимо вернуться к ним, но зритель может это сделать лишь в том случае, если записывает передачу или пересматривает ее в интернете. На практике подавляющее большинство так не поступает.

Поэтому телевидение – это сильно замутненное окно в историю. Телепередачи на исторические темы – вряд ли могут служить надежным источником знаний о прошлом.

Магия кино и историческая тема

Опрос службы РОМИР показал, что 7% населения считает “основным источником информации по истории нашей страны кинофильмы”. Известно, что сейчас отечественные фильмы составляют малую часть того, что показывают в кинотеатрах. Российских же кинокартин на исторические темы – ничтожное число. Вряд ли сколько-нибудь значительная часть населения идет в современный кинотеатр, чтобы пополнить свои знания об истории. Скорее всего, те, кто формируют представления о прошлом страны по кинофильмам, имеют в виду советские фильмы, которые они когда-то смотрели в кинотеатрах.

Явная нехватка современных художественных фильмов о прошлом заставляет российское телевидение обращаться к кинолентам, созданным советским кинематографом. Перед учрежденным нынешней властью Днем народного единства теперь постоянно показывают советский фильм “Минин и Пожарский”. Показывают порой советские фильмы и о других выдающихся дореволюционных деятелях нашей страны и событиях в ее истории.

Но по сути все советские фильмы стали картинами о прошлой жизни, а стало быть, историческими. В отличие от современных имитаций советского прошлого, в этих кинокартинах сохранились реальные черты ушедшей эпохи. Даже фильмы о советской истории создавались в то время таким образом, чтобы предельно точно воспроизвести уже исчезнувшие приметы прошлого. В этом я убедился, приняв участие в съемках фильмов из киноэпопеи “Освобождение”. В сцене Тегеранской конференции из фильма “Прорыв”, в которой я изображал переводчика И. В. Сталина, Ю. Н. Озеров и руководимая им киногруппа старались как можно правильнее воспроизвести обстановку и стиль жизни 1943 года. Мундиры военных были пошиты по образцам отечественной и иностранной формы того времени. Мне, как гражданскому переводчику, подобрали костюм начала 40-х годов. На круглом столе конференции лежали ручки, карандаши и блокноты, производившиеся в то время. Реплики, которые произносили актеры, соответствовали словам из подлинной стенограммы конференции.

Мне лично очень понравилась естественность, с которой актер переводил пленного немецкого солдата в небольшом эпизоде. Оказалось, что в съемках участвовал бывший советский офицер, который действительно был штабным переводчиком. Он помог точно восстановить ход допроса, его одели в форму того времени, а с помощью грима “омолодили” (съемка происходила через 25 лет после Курской дуги).

Реальности батальных сцен в фильме способствовало то обстоятельство, что сам Юрий Николаевич Озеров, автор киносценария Юрий Васильевич Бондарев и некоторые сотрудники киногруппы были участниками Великой

Отечественной войны. Советские танки Т-34 были подлинными, а другие советские танки обшивали специальными щитами, чтобы они выглядели как немецкие “тигры”. Немецких офицеров и генералов, высших деятелей нацистской верхушки играли актеры из ГДР. Зачастую съемки боев производились там, где происходили настоящие сражения, а сцены, посвященные Ялтинской конференции, были отсняты в том зале Ливадийского дворца, где она состоялась. Правдивость изображенного на экране обеспечивалась тем, что создатели киноэпопеи помнили дух военного времени и старались передать его с максимальной достоверностью.

Продуманность каждой крохотной сцены, съемка двухминутного эпизода в течение целого рабочего дня, кропотливая работа с отснятым материалом позволяли в итоге достичь максимального правдоподобия. Киномагия стирала в сознании зрителей грань между правдой и вымыслом. Актер Николай Олялин, сыгравший главную роль в киноэпопее Озерова, рассказывал о неловкости, которую он испытывал, когда ветераны войны воспринимали его как участника великих сражений.

В фильмах, которые снимают сегодня, пренебрегают не только приметами прошлого, но и сутью изображаемых в них реальных событий. Из показанных в конце прошлого года на телеэкране четырех серий фильма “Товарищ Сталин” правде соответствовало лишь упоминание о том, что И. В. Сталин умер 5 марта 1953 года. Кажется, что вопиющее невежество авторов фильма облегчало им сочинение вздорных фантазий. Видимо, поэтому они решили, что Суслов был заклятым врагом Сталина. По ходу фильма этот секретарь ЦК пытается то застрелить Сталина из винтовки, то подсунуть ему отравленные конфеты. По причине полного незнания истории тех лет творцы фильма позволили Суслову трясти Берию за лацканы пиджака.

Зрителей убеждали в том, что актер Сергей Юрский в овчинном тулупе, мечтающий о глобальной ядерной катастрофе, это – Сталин. Зрителям внушалось, что несчастный истопник на сталинской даче, жестоко обманутой Сталиным, но слепо верящий в него – это олицетворение русского народа.

Столь же лживы и другие телесериалы на темы советской истории (“Московская сага”, “Штрафбат” и многие другие). Поскольку же эти поделки преобладают на экране, то очевидно, что и этот источник исторических знаний, которому доверяет 7% населения, изрядно замутнен и отчасти отравлен.

История на страницах художественной литературы

Для 17% опрошенных службой РОМИР основным источником информации по истории служит “художественная литература”. Творческая мысль художника может оживить тексты законодательных документов и международных договоров, внести психологическую глубину в служебные характеристики, придать человечность протоколам совещаний, раскрасить сухие хроники описаниями природы и зарисовками городского быта.

В лучших произведениях на историческую тему их создатели поднимаются от констатации исторического факта до уровня высокого философского осмысления событий прошлого. На таком уровне создавались великолепные исторические романы и другие произведения о прошлом России, написанные лучшими мастерами русской литературы. Достаточно вспомнить романы и повести “Война и мир”, “Капитанская дочка”, “Тарас Бульба”, драму “Борис Годунов”, поэму “Полтава”, стихотворение “Бородино” и многие другие. До революции популярные исторические романы создавали И. И. Лажечников, М. Н. Загоскин, А. К. Толстой, Г. П. Данилевский, Д. С. Мережковский. В советское время многие зачитывались произведениями на исторические темы, написанными Алексеем Толстым, Ольгой Форш, Сергеем Бородиным, Сергеем Сергеевым-Ценским, Анной Антоновской, Валерием Язвизким, Василием Яном, Валентином Пикулем, Дмитрием Балашовым.

Однако в середине 80-х годов появляются произведения, авторы которых произвольно обращались с историческими фактами, тенденциозно изображали известных деятелей. Для литературы этого рода характерен нашумевший роман А. Рыбакова “Дети Арбата”. В сочиненных Рыбаковым “внутренних монологах” Сталин декларирует свои зловещие планы. Как ни странно, этот нехитрый прием произвел сильное впечатление на многих читателей, и они по-

верили, что Сталин на самом деле подготовил убийство Кирова и много других злодейств, так как у них создалось впечатление, что они узнали его заветные мысли.

Но вот прошло более 20 лет. Политически конъюнктурный роман благополучно забыт. Попытки вызвать к нему интерес с помощью телеэкранизации оказались безуспешными. Однако плевелы, посеянные Рыбаковым, проросли. Забыв отдельные сцены и даже сюжет романа, читатели повторяют отдельные фразы, приписанные автором Сталину. Так, замышляя убийство Кирова, Сталин в одном из своих “внутренних монологов” говорит: “Смерть решает все проблемы. Нет человека, и нет проблем”. И хотя впоследствии Рыбаков признался, что он сам придумал эту фразу, слова стали считать сталинскими. Не так давно В. В. Путин заявил: “Как сказал Сталин: есть человек, есть проблема, нет человека – нет проблемы”. К сожалению, даже такие высокопоставленные читатели готовы слепо довериться авторитету исторического романа.

“Что-то с памятью моей стало...”

Художественные произведения, написанные очевидцами происходивших событий, максимально приближаются к мемуарной литературе. Хотя из опроса РОМИР неясно, считали ли опрашиваемые воспоминания “художественной литературой” или нет, несомненно, что многие мемуары признаны художественными произведениями. Также нет сомнения в том, что чтение воспоминаний во многом формирует представления о прошлом. Хотя авторы мемуаров могут проигрывать по сравнению с создателями вымышленных произведений в драматизме сюжетов, яркости фраз, но зато они более достоверны. Они могут описать не только реальные события, но также их закулисную сторону, которая долго оставалась недоступной для журналистов и других хроникеров.

Лишь благодаря мемуарам люди узнали о глубоких переживаниях видных государственных деятелей. Так, на страницах мемуаров “железный канцлер” Бисмарк сообщил о своем отчаянии, когда король Пруссии отверг его план действий в отношении Австрии: “Я был в таком настроении, что мне пришлось на ум, не лучше ли броситься из открытого окна четвертого этажа”. В своих воспоминаниях Генри Киссинджер запечатлел Ричарда Никсона, который во время расследования Уотергейтского дела падал на колени в Овальном кабинете Белого дома и истово молился христианскому Богу, предлагая и своему государственному секретарю-иудею присоединиться к его молитвам. Немало конфиденциальных и шокирующих деталей о поведении первого президента России сообщил в своих воспоминаниях глава его охраны В. В. Коржаков.

Однако полностью полагаться на достоверность мемуаров также нельзя.

В этом нетрудно убедиться, если обратиться к мемуарам тех немногих людей, которые работали со Сталиным накануне начала войны. Казалось бы, эти дни, наполненные роковыми событиями, которые врезались в память всех советских людей, живших в то время, должны были отчетливо запомниться тем, кто стоял близко к рулю управления страной, а потому их воспоминания должны быть схожими. Однако выясняется, что каждый из мемуаристов запомнил эти события по-своему, а документальные свидетельства показывают, что все они допустили существенные ошибки.

В книге “Воспоминания и размышления” Г. К. Жуков писал о том, что вечером 21 июня он вместе с его первым заместителем Н. Ф. Ватутиним и наркомом обороны С. К. Тимошенко прибыл к Сталину в Кремль, чтобы сообщить сведения, переданные перебежчиком с немецкой стороны. “И. В. Сталин был один. Он был явно озабочен. “А не подбросили ли немецкие генералы этого перебежчика, чтобы спровоцировать конфликт?” – спросил он. “Нет, – ответил С. К. Тимошенко. – Считаем, что перебежчик говорит правду”. Тем временем в кабинет И. В. Сталина вошли члены Политбюро”. Судя по дальнейшему рассказу Жукова, совещание в кабинете Сталина завершилось около полуночи, так как, описывая возвращение из Кремля в наркомат обороны, он писал: “Давно стемнело. Заканчивался день 21 июня”. Очевидно, когда Жуков прибыл в наркомат обороны, ему “примерно в 12 часов ночи 21 июня командующий Киевским округом М. П. Кирпонос... доложил по “ВЧ” еще об од-

ном перебежчике. Все говорило о том, что немецкие войска выдвигаются ближе к границе. Об этом мы доложили в 0.30 минут ночи Сталину”.

После того как поэт и публицист Феликс Чуев зачитал этот рассказ Жукова Молотову, тот стал возражать: “Да неточно, неправильно”. По словам Молотова, события в окружении Сталина развертывались следующим образом: “21 июня, вечером мы были на даче у Сталина часов до одиннадцати-двенадцати. Может быть, даже кино смотрели... Потом разошлись...” Затем “позвонил Жуков. Он не сказал, что война началась, но опасность на границе уже была. Либо бомбежка, либо получили другие тревожные сведения. Вполне возможно, что настоящей войны еще не было, но уже накал был такой, что в штабе поняли: необходимо собраться. В крайнем случае, около двух часов ночи мы собрались в Кремле, у Сталина... все члены Политбюро были вызваны”.

А. М. Микоян в своей книге “Так было” излагает события ночи с 21 на 22 июня по-иному: “В субботу 21 вечером, мы, члены Политбюро, были у Сталина на квартире (не в кабинете, как в версии Жукова, и не на даче, как у Молотова. — **Прим. авт.**)... Неожиданно туда приехали Тимошенко, Жуков и Ватутин. Они сообщили о том, что только что получены сведения от перебежчика, что 22 июня в 4 часа утра немецкие войска перейдут нашу границу... Мы разошлись около трех часов ночи 22 июня...”

Однако записи в книге посетителей кремлевского кабинета Сталина, сделанные вечером 21 июня, свидетельствуют о том, что все три мемуариста неточны. Из содержания записей следует, что последняя встреча руководителей и высших военачальников страны перед началом войны состоялась не на даче и не в сталинской квартире в Кремле (как утверждали Молотов и Микоян), а в его кремлевском рабочем кабинете (как писал Жуков) и продолжалась до 23.00. В то же время, вопреки воспоминаниям Жукова, Сталин был не один, а в кабинете помимо него находились два члена Политбюро (Молотов и Ворошилов) и три кандидата в члены Политбюро (Берия, Маленков и Вознесенский), а также Кузнецов и Сафонов. Жуков прибыл к Сталину не с Ватутиным и Тимошенко. Ватутина вообще не было, а Тимошенко находился у Сталина до Жукова, но на время выходил из кабинета, а затем вошел вместе с Жуковым. Вместе с Жуковым прибыл и Буденный. Через час прибыл и Мехлис. Вопреки его мемуарам Микоян вообще не присутствовал на этом совещании, а поэтому он много напутал.

Если столь разноречивы и неточны воспоминания о столь неординарных событиях истории, то что же можно ожидать от книг, представляющих собой открытые фальшивки. За полвека на Западе было создано немало фальсифицированных мемуаров. Среди них “Заметки для дневника” наркома иностранных дел СССР М. М. Литвинова (“Notes for a Journal”), “Материалы Олега Пеньковского” (“The Penkovsky Papers”), “Материалы Лаврентия Берии” (“The Beria Papers”), “Исповедь любовницы Сталина” (фальшивые воспоминания певицы Давыдовой, которые она никогда не писала, были переведены и изданы в Минске в 1994 году).

Этот ряд продолжают опубликованные в постсоветской России “воспоминания” бывшего секретаря Сталина Бориса Георгиевича Бажанова, который в 1928 году бежал из СССР. Фантастичность описываемых событий (утверждение, что Бажанов лично сочинил устав партии, что не Сталин, а Бажанов фактически управлял страной в конце 20-х годов, авантюрная история про бегство Бажанова от агентов ОГПУ через Иран и Белуджистан на верблюдах, подозрительно напоминающая злоключения Бендера и Корейко во время их переезда через Туркестан) должна вызывать по меньшей мере сомнения в точности излагаемых событий. Вопиющие же ошибки в датах, именах и описании событий тех лет свидетельствуют о том, что автор “воспоминаний” не имеет никакого отношения к подлинному Бажанову и плохо знает нашу страну.

Поскольку некоторые слова и целые фразы в книге являются плохим переводом с английского языка, это наводит на мысль об её англо-американском происхождении. Например, слова “Грациозное Величество” применительно к королю Великобритании убеждают в том, что книга была переведена с английского языка, а переводчик прибег к побуквенному переложению на русский язык английского слова “gracious”. А это слово по-русски означает не “грациозный”, а “милостивый”.

Калькой с английского являются слова “лейтенанты Сталина”. В тексте имеются в виду не офицеры армии, а “помощники Сталина”, видимо автор

в оригинале употребил обычные для англоговорящих людей слова “Stalin’s lieutenants” (“lieutenant” означает не только “лейтенант”, но и “помощник”). Плохим переводом с английского является и фраза “имел привилегию слушать”. Обычную для англоговорящих людей фразу “had a privilege to listen” лучше было бы перевести “ему довелось слушать”, чтобы она не выдавала английского происхождения. Фраза, в которой говорится, что деятельность Троцкого в качестве наркома путей сообщения (он на самом деле никогда не занимал этот пост) “ничего не дает, кроме конфуза”, на английском языке, возможно, звучала так: “produces nothing except confusion”. А поскольку слово “confusion” на английском языке означает не “конфуз”, а “путаница” или “беспорядок”, то фразу следует перевести: “из этого ничего не получается, кроме путаницы”. Речь шла именно о “путанице” в делах, которая, по утверждению автора, последовала вследствие неумелых действий Троцкого.

Скорее всего “мемуары Бажанова” были сочинены на английском языке, а стало быть, не Бажановым, поскольку тот не знал этого языка. Очевидно, что “мемуары Бажанова”, как и “мемуары” Литвинова, Бери, Пеньковского, Давыдовой и другие подобные фальшивки, были сфабрикованы в США или Великобритании.

Тем удивительнее, что эта грубая фальшивка, скорее всего сработанная в США или Англии 30 лет назад, рекомендована в предисловии, подписанном старшим научным сотрудником ИРИ РАН В. А. Шестаковым, как книга, которая “представляет несомненный интерес и для историков и, особенно, для широкой аудитории, представителей нового поколения”. Известно, что благодаря такой рекомендации немало читателей приняли грубую подделку за документ, правдиво и точно описывающий Сталина и его время.

О том, что фальшивку приняли за подлинный документ, свидетельствует также справка о Бажанове, содержащаяся в книге “Библиографический энциклопедический словарь. Империя Сталина” (автор – К. А. Залесский). В справке о Бажанове сказано: “По собственным воспоминаниям, являлся автором нового Устава ВКП(б)”. Остальные сведения, содержащиеся в справке (мнимая подготовка Бажановым статей и выступлений для Кагановича, обстоятельства побега из СССР, в ходе которого “ему удалось обмануть посланных за ним сотрудников ОГПУ” и прочее) также взяты из “мемуаров” Бажанова.

К сожалению, не критическое отношение к мемуарам, а тем более фальсифицированным книжкам, которые выдаются за мемуары, лишь способствует загрязнению исторического сознания нашего общества.

Там, где никогда не ступала нога Прохорова

О том, что фальсифицировать можно не только мемуары, но и экспонаты, собранные в музеях, известно по многочисленным экспозициям, выставленным в ряде постсоветских республик. Когда бывшие работники КГБ пришли в “музей советской оккупации” в Литве, они с удивлением обнаружили там невиданные ими прежде средневековые палицы, которые якобы использовались при ведении допросов. Великое множество фальшивок выставлено в музеях “ветеранов чехословацкого корпуса”, которых возникло немало в Чехии.

К сожалению, и в советское время экспозиции в музеях нередко подвергались перетасовкам, вызванным очередными политическими переменами. Однако я помню, как сотрудники Хабаровского музея дали в 1977 году отпор видному, но невежественному деятелю профсоюзного движения из Москвы, когда тот потребовал убрать стенды, посвященные Бохайскому царству, на том основании, что внешний вид бохайцев напоминал ему китайцев, а те, мол, увидев экспозицию в музее, потребуют себе Хабаровский край.

И все же, несмотря на негативные последствия политической конъюнктуры для познания исторической правды, посетитель музея, выставки или древнего сооружения получает возможность совершить путешествие по времени, которое не заменит ни книга, ни кинофильм, ни телепередача. Вместо яркой, но двухмерной и смонтированной телекартинки посетитель музея видит подлинные предметы. Даже краткие посещения музеев невольно заставляют задуматься о том, как ты еще мало знаешь о прошлом. Увиденное стимулирует желание больше узнать об истории своей страны. Такое посещение становится

ся особенно плодотворным, когда экскурсоводы глубокими и яркими рассказами захватывают внимание посетителей.

Ликвидация неграмотности и рост образования в СССР сопровождался бурным развитием музейного дела. Только с 1940 г. по 1982 год число посетителей музеев в СССР выросло с 34 миллионов до 166 миллионов. Нет сомнений в том, что музеи стимулировали интерес к высшему образованию и служили питательной средой для развития науки.

Казалось бы, за последние годы число музеев выросло, но главным образом за счет экспозиций по отдельным предметам материальной культуры. Появились музеи чайников, утюгов, пастилы. Зато были закрыты или перефилированы многие историко-революционные и мемориальные музеи. Остальные музеи, существовавшие в советское время, как правило, переживают огромные трудности. Правда, в своем отчете перед Государственной думой 14 апреля В. В. Путин пообещал увеличить финансирование музеев в 4 раза. Остается надеяться, что он не забудет об этом за прочими делами.

Михаил Прохоров, видимо, полагает, что музеи не нужны. Олигарх заявил, что при посещении незнакомого города он никогда не пойдет в музей. Ныне пренебрежительное отношение к музеям характерно и для значительной части населения страны. Как свидетельствуют данные службы РОМИР, лишь 3% опрошенных службой сочли «основным источником» исторических знаний «посещение музеев, выставок, экскурсий».

Возможно, одни перестали путешествовать из-за дороговизны, а поэтому не ходят по музеям, находящимся в других городах. Но меньше стали ходить и по музеям в своих городах. Не исключено, что электронные средства информации считаются многими более удобным средством изучения истории. Не удивительно, что доля людей, для которых телевидение является главным источником исторических знаний, в 20 раз превышает долю тех, кто видит такой источник в музеях.

Об устойчивости ложных версий

Несмотря на склонность многих граждан страны удовлетвориться теми источниками для изучения истории, которые не требуют от них больших физических и умственных усилий, желание глубоко проникнуть в тайны прошлого нашей страны не исчезло. 15% опрошенных назвали своим «основным источником знаний по истории» «научную литературу».

Однако научные исследования также не свободны от ошибок.

При этом неверные сведения относительно даже значительных событий и крупных деятелей прошлого нередко сохраняются долгие годы. Примером этого является поразительная устойчивость утверждения о том, что Адольф Гитлер менял свою фамилию. Такую информацию распространили в начале 30-х годов австрийские журналисты, объявившие, что отца Адольфа Гитлера звали Алоиз Шикльгрубер, а следовательно, и Гитлера надо звать Шикльгрубером. Это сенсационное сообщение было крайне неудобным для нацистов. Получалось, что Гитлер что-то скрывал и поэтому сменил фамилию. Нацисты возмущались, говорили, что это – ложь, но им никто не верил.

Однако в 1953 году была опубликована биография Гитлера, которую написал английский историк Алан Баллок. В начале книги он опровергал утверждение о том, что настоящая фамилия Гитлера – Шикльгрубер. Тщательно изучив архивы, он установил, что отец Гитлера был рожден вне брака и действительно получил фамилию по своей матери Марии Шикльгрубер. Но, когда Алоизу Шикльгруберу исполнилось 52 года, его беспутный отец Иоганн Георг Хидлер (впоследствии писавший свою фамилию как Хитлер, или в русском варианте – Гитлер) признал сына своим, и тот стал Гитлером. Это произошло за 13 лет до рождения у Алоиза сына Адольфа, который был зарегистрирован при рождении как Адольф Гитлер. В 1959 году вышла в свет книга американского историка Уильяма Ширера «Подъем и падение третьего рейха», в которой с такой же дотошностью повторялась история, рассказанная Баллоком. Книга Ширера считается наиболее авторитетной работой по истории нацистской Германии.

Но очевидно, что некоторые советские историки либо не удосужились прочесть эти известные и авторитетные исследования, либо решили по ка-

ким-то соображением проигнорировать доказательства иностранных историков. Поэтому в изданном в 1963 году 4-м томе “Советской исторической энциклопедии” на 457-й странице было написано: “ГИТЛЕР (Hitler), Адольф (наст. фам. – Шикльгрубер, Schicklgruber) (20.IV.1889–30.IV.1945) – лидер герм. фашистской (национал-социалистской) партии...”

Выпущенный в 1987 году “Советский энциклопедический словарь” с завидным упорством на 310-й странице повторял: “ГИТЛЕР (Hitler) (наст. фам. – Шикльгрубер) Адольф (1889–1945), главный нем.-фаш. воен. преступник, главарь (фюрер) Национал-социалистской партии...”

Наступил XXI век, но ошибочная версия о том, что Гитлер на самом деле Шикльгрубер, сохранилась. Так, в книге “Иосиф Виссарионович Сталин. Энциклопедия”, выпущенной в России в 2006 году, было написано: “ГИТЛЕР (Hitler) (настоящая фамилия – Шикльгрубер) Адольф, главный немецко-фашистский военный преступник...” В книге “Секретная миссия в Париже”, выпущенной в 2009 году, была напечатана фотография немецкого солдата Первой мировой войны. Подпись гласила: “Ефрейтор А. Шикельгрубер (Гитлер)”.

Лишь в 2011 году вышел в свет “Энциклопедический словарь”, изданный “Большой Российской энциклопедией”, в котором написано: “ГИТЛЕР, Хитлер (Hitler) Адольф (1889–1945 гг.), фюрер (вождь) Национал-социалистич. рабочей партии (с 1921 г.)...” Получается, что понадобилось почти 60 лет, чтобы ошибочное утверждение было отвергнуто. И все же иногда эта версия по-прежнему используется в ряде публикаций. Если так долго сохранялись неверные биографические сведения о столь известном персонаже истории, то не трудно предположить, что информация относительно других, менее значимых фигур прошлого может быть ненадежной.

Число ошибок стало умножаться по мере того, как книги, выдаваемые за научные исследования, стали писать люди, не имеющие исторического образования и никогда прежде не занимавшиеся историей. К сожалению, многие замечательные специалисты в других областях науки и техники решили, что им по плечу писать исследования о прошлом, так как, по их мнению, история не требует специальных и глубоких знаний.

Еще в начале 80-х гг. на заседании Отделения истории АН СССР выдающийся историк З. В. Удальцова с возмущением рассказала о шарлатанских сочинениях видного математика А. Т. Фоменко, которые вопиющим образом перечеркивали все представления о прошлом под видом отказа от “устаревших” версий. За последние тридцать лет Фоменко и его последователи наплодили множество фантастических сочинений, которые не имеют ничего общего с историей.

Успех этих книг объяснялся просто: их читатели зачастую ничегошеньки не смыслили в истории. Мой школьный друг, профессор в техническом институте, уже успевший позабыть школьные уроки истории, говорил мне, что в сочинениях Фоменко “наверняка что-то есть”. Такая позиция глубоко порочна. Мирное сосуществование абсурда и истины в сознании людей – верный путь для разрушения исторической памяти.

Порой, стремясь раскрыть исторические тайны, некоторые исследователи смело выдвигали гипотезы, которые оказывались ошибочными. Считая, что главный удар в ходе репрессий 1937–1938 гг. был нанесен по коммунистической партии, Вадим Кожинов напоминал, что общее число членов и кандидатов в члены ВКП(б) к XVII съезду партии составляло около 2,8 млн чел. Он указывал, что к XVIII съезду полноправными членами ВКП(б) должны были стать не менее 2,8 млн чел. “Однако, – подчеркивал Кожинов, – к марту 1939 года членов ВКП(б) имелось не около 2,8 млн, а всего лишь 1 млн 588 тыс. 852 человека – то есть на 1 млн 220 тыс. 932 человека меньше, чем насчитывалось совместно членов и кандидатов в члены в январе 1934-го! И эта цифра, фиксирующая “убыль” в составе ВКП(б), близка к... цифре, зафиксировавшей количество репрессированных (“политических”) в 1937–1938 годах (1 млн 344 тыс. 923 человека)”. Получалось, что более 90% репрессированных были коммунистами.

Вывод Кожинова был повторен авторами учебного пособия “Основы курса истории России” под редакцией А. С. Орлова, В. А. Георгиева, А. В. Полунова, Ю. Я. Терещенко. В пособии утверждалось, что, хотя “точных и официальных данных о числе репрессированных коммунистов нет, ... по данным историков: их численность превысила 1,3 миллиона человек”.

На самом деле наибольшее число репрессированных в те два года приходилось на бывших “кулаков” (около половины). Свыше 28% — на уголовников, уже отбывших наказание или находившихся в заключении. Около четверти репрессированных составляли так называемые “контрреволюционеры”. Среди них были бывшие полицейские, члены белогвардейских формирований, члены несоветских политических партий, а также священники (на их долю пришлось до 3% от всех репрессированных). К той же категории отнесли 116 885 членов и кандидатов в члены партии, обвиненных в “контрреволюционной деятельности”. Таким образом, их было в 11 раз меньше, чем считал Кожин, а их доля составляла 8,5%, а не 90% среди репрессированных. (Ошибка Кожина была вызвана тем, что он не учел одного: на каждого репрессированного приходилось до десятка коммунистов, которых в 1937–1938 гг. исключали из партии “за потерю бдительности” в отношении арестованного. В 1939 году их, как правило, восстанавливали в партии.)

К сожалению, многие читатели, ищущие “научную литературу”, не обладают достаточными знаниями для того, чтобы обнаружить искажения исторических фактов, особенно в произведениях тех авторов, которые, в отличие от упомянутых выше, сознательно идут на подлог. Подобно собирателям грибов, которые не умеют отличить съедобные от ядовитых, неискушенные читатели становятся жертвами своего незнания. Поганки же, что в лесу, что на поле исторической литературы, претендуют на съедобность, но на самом деле содержат смертельный яд.

Объясняя неактивные выступления профессиональных историков с опровержениями шарлатанских книжек Виктора Резуна, оправдывавшего нападение гитлеровской Германии на СССР с помощью геббельсовских фальшивок, Лев Безыменский писал, что он и другие историки “думали, что все знают подлинную историю немецкого нападения. Будто все знают, что приказ на немецкое сосредоточение был дан еще 23 декабря 1940 года. Будто все знают, что на Восток к маю 1941 года уже шли 17 тысяч воинских эшелонов. .. К февралю было переброшено 25 дивизий, в марте — еще 7 дивизий. В апреле прибыли 13, в мае — 30. Войска разгрузались к западу от линии Радом — Варшава и ночными маршами двигались к границе. Таким образом, к маю на границе уже были сосредоточены основные силы “Барбароссы”, на июнь оставались лишь 12 танковых и 12 моторизованных дивизий”.

Лев Безыменский признавал, что он и другие историки недооценили степень незнания событий, происходивших накануне войны, хотя о них было не раз и подробно рассказано в научной и популярной литературе. Содержанию фальшивок Резуна многие верили безоглядно. и их тиражи достигли миллионов экземпляров. При этом среди сторонников фальсификатора были люди с дипломами кандидатов наук, считавшие, что Резун открыл правду о предвоенных событиях. Некоторые же полагают, что, хотя Резун, возможно, не во всем прав, но не исключено, что в его сочинениях “что-то есть”. По этой причине книги Резуна по-прежнему находят своих читателей.

Информацию, искажающую подлинные исторические факты, можно также уподобить вирусам, распространяемым хакерами в интернет-пространстве. Как и компьютерные вирусы, ложная информация под видом подлинной проникает в пространство исторической науки, уничтожая правдивые сведения и разрушая понимание прошлого. Фальшивки вытесняют знания о сложных и противоречивых событиях прошлого и заменяют их однозначными и упрощенными истолкованиями ушедшего времени.

Много таких “вирусов” было запущено в докладе Н. С. Хрущева на закрытом заседании XX съезда КПСС. По подсчетам американского исследователя Г. Ферра, лживых утверждений в этом докладе — более шестидесяти. Каждое из них сыграло роль разрушительного вируса, уничтожая правдивую информацию и разлагая общественное сознание.

Так, Хрущев уверял: “Накануне вторжения гитлеровской армии на территорию Советского Союза один немецкий гражданин перешел границу и заявил, что немецкие армии получили приказ начать военные действия против Советского Союза в ночь на 21 июня в 3 часа ночи. Об этом было сообщено Сталину, однако на это он не обратил никакого внимания”. Как мы уже говорили, реакция Сталина на это сообщение была неоднозначной. С одной стороны, как следовало из воспоминаний Жукова, Сталин был встревожен, а потому вызвал к себе высших военачальников СССР. С другой стороны

(и этим воспользовался Хрущев), Сталин сомневался, стоит ли доверять этому сообщению. Последнее обстоятельство придавало словам Хрущева видимость правдоподобия, в то же время он свел позицию Сталина к однозначной оценке.

О том, что 21 июня Сталин не раз отдавал распоряжения быть готовым к германскому нападению, Хрущев умолчал. Между тем через 4 года после доклада Хрущева, в 1960 году были опубликованы воспоминания генерала армии И. В. Тюленева “Через три войны”, разоблачавшие утверждение Хрущева. И. В. Тюленев, который в июне 1941 года руководил Московским военным округом, написал, что 21 июня ему позвонил Сталин: “В трубке слышу глуховатый голос: “Товарищ Тюленев, как обстоит дело с противовоздушной обороной Москвы?” Тюленев вспоминал, что он “коротко доложил главе правительства о мерах противовоздушной обороны, принятых на сегодня, 21 июня. В ответ услышал: “Учтите, положение беспокойное, и вам следует привести в боевую готовность войска противовоздушной обороны Москвы до семидесяти пяти процентов”. В результате этого короткого разговора у меня сложилось впечатление, что Сталин получил новые сведения о немецких военных планах. Я тут же отдал распоряжение своему помощнику по ПВО генерал-майору М. С. Громадину: в лагерь зенитную артиллерию не отправлять, привести ее в полную боевую готовность”.

Ложь Хрущева была разоблачена его собственными словами, которые видный деятель югославской компартии Милован Джилас привел в книге “Беседы со Сталиным”. Говоря о своем пребывании в Киеве весной 1945 года, Джилас писал, что Хрущев, который в 1941 году был Первым секретарем Компартии Украины, “вспомнил, как накануне нападения Германии Сталин позвонил ему из Москвы и предупредил о том, что надо быть начеку. Сталин получил информацию о том, что немцы могут начать операцию на следующий день – 22 июня”.

Можно предположить, что 21 июня 1941 года Сталин не ограничился предупреждениями Тюленева и Хрущева. Просто другие военные и партийные руководители не оставили соответствующих воспоминаний.

Однако созданный Хрущевым “вирус” оказался устойчивым.

Так, 2 апреля 2010 года во время телемоста с Киевом, проведенного в редакции АПН, заведующий Государственным архивом С. В. Мироненко показал резолюцию Сталина от 17 июня 1941 года на сообщении разведки о возможности нападения Германии, в которой он выразил недоверие к источнику информации. Когда я ответил, что Сталин не раз сомневался в таких сообщениях, но к 21 июня у него уже практически не осталось таких сомнений, и в тот день он не раз предупреждал о вероятном вторжении гитлеровских войск, то Мироненко огульно отрицал правдивость воспоминаний Тюленева и Джиласа. Это не удивительно. “Вирусы” исторического пространства, как и компьютерные вирусы, стремятся без остатка уничтожить все сложности в описании прошлого и таким образом исказить его.

Разрушение исторической памяти с помощью таких “вирусов” позволяет создавать новые лживые версии. Рассказывая о событиях последней предвоенной ночи, во время передачи “К барьеру” от 14 апреля 2005 года режиссер Марк Розовский уверял, что за несколько часов до начала войны советско-германскую границу перешел немецкий солдат-коммунист, который попытался предупредить советские войска о том, что через несколько часов начнется война. Получив это предупреждение, утверждал Розовский, Сталин якобы распорядился расстрелять солдата-коммуниста. И тут Розовский стал заламывать руки, возмущаясь одновременно и “глупостью” Сталина, и его “жестокостью”. Многие телезрители солидаризировались с режиссером и звонили на студию в его поддержку.

Другой хрущевский “вирус” касался поведения Сталина в первые дни войны. Хрущев уверял: “После первых серьезных неудач и поражений на фронте Сталин думал, что наступил конец. В одной из своих речей, произнесенных в те дни, он сказал: “Все, что создал Ленин, мы потеряли навсегда”. После этого в течение долгого времени Сталин фактически не руководил военными действиями, прекратив делать что-либо вообще. Он вернулся к активному руководству только после того, как несколько членов Политбюро посетили его и сказали, что необходимо немедленно предпринять определенные шаги, чтобы улучшить положение на фронте”.

Эта ложь была убедительно разоблачена после публикации книги посетителей сталинского кабинета в Кремле, из которой стало ясно, что, начиная с утра 22 июня 1941 года, Сталин подолгу находился на рабочем месте. Лишь 29 и 30 июня Сталина не было в кабинете. Но из многочисленных воспоминаний известно, что 29 июня он дважды приезжал в Наркомат обороны и работал на своей даче над проектом Директивы ЦК. 30 июня Сталин провел на даче совещание с членами Политбюро о создании Государственного комитета обороны. С 1 июля Сталин почти непрерывно находился в своем кабинете.

Однако разоблачение ложной информации не уничтожило хрущевский “вирус”. Утверждения о том, что “после начала войны Сталин растерялся и пребывал в прострации”, кочуют из одной книги по истории СССР в другую.

Одним из наиболее стойких “вирусов” является информация, распространенная геббельсовской пропагандой 13 апреля 1943 года относительно обстоятельств расстрела нескольких тысяч польских офицеров в Катынском лесу под Смоленском. Журнал “Наш современник” не раз публиковал материалы, разоблачающие эту фальшивку.

Стремление переложить вину за преступления нацистов на советские власти не ограничено “катынской историей”. Для этого используются ложные утверждения о том, что потери Красной Армии во много раз превосходили потери немецко-фашистских войск.

Так, доктор географических наук Борис Соколов утверждает, что немецкие потери в годы войны были в 8–10 раз меньше советских. Между тем еще в 1990 году на основе подсчетов, осуществленных специальными комиссиями Генштаба Министерства обороны СССР и Отделения истории АН СССР с привлечением ранее закрытых статистических данных, было установлено, что человеческие жертвы в Вооруженных силах СССР, а также пограничных и внутренних войсках страны в ходе Великой Отечественной войны составили 8 миллионов 668 тысяч 400 человек. Известно, что потери немцев и их союзников на советско-германском фронте составляли, по данным новейших исследователей отечественных и западных документов, 8 649 500 человек. Таким образом, советские потери фактически равны потерям вооруженных сил Германии и ее союзников, сражавшихся против СССР.

При этом академик РАН Г. А. Куманев указывает на то, что небольшое “превышение безвозвратных потерь Красной Армии по сравнению с теми же потерями противника в немалой степени связано и с тем, что из 4 миллионов 126 тысяч взятых в плен советскими войсками военнопленных фашистского блока в плену от ран и болезней умерло 580 тысяч 548 человек, а остальные вернулись домой. Из фашистского же плена, куда попало, по отечественным документам, 4 миллиона 559 тысяч военнопленных Красной Армии (по немецким данным, даже от 5 миллионов 200 тысяч до 5 миллионов 700 тысяч), вернулись на Родину только 1 миллион 836 тысяч человек. Остальные в своем большинстве погибли в плену от рук фашистских палачей в результате их сознательного массового истребления расстрелами, голодом, холодом, истязаниями. Но если бы советские власти, со своей стороны, тоже бы уничтожили 2,5–3 миллиона попавших в плен военнопленных противника, то каково бы оказалось тогда соотношение этих безвозвратных демографических потерь? Разумеется, далеко не в пользу немецко-фашистских захватчиков”.

Преувеличение потерь Красной Армии на полях сражений позволяет скрыть преступления немецко-фашистских оккупантов не только против советских военнопленных, но и гражданского населения, так как большая часть человеческих жертв немецко-фашистского нашествия были мирные люди.

Если даже информация относительно Великой Отечественной войны и репрессий 1937–1938 гг., о которых постоянно идут острые споры, так сильно засорена неверными данными и выводами, то нетрудно предположить, что не меньше искажений имеется во многих источниках, считающихся “научной литературой” относительно других исторических событий.

Что творится в историческом сознании России?

Загрязненность источников информации, которыми пользуется подавляющая часть населения для получения сведений об истории, способствует существенному искажению представлений о прошлом. В то же время то обстоя-

ительство, что более 80% населения черпает свои знания о прошлом, прежде всего, из источников, окрашенных вымыслом, в значительной степени связано с тем, что сведения о прошлом, которые потребляет большинство населения страны, нужны ему лишь для проведения необременительного досуга, а не для серьезного изучения истории.

Об этом же свидетельствует невнимание многих пользователей интернета к возможностям всемирной информационной паутины для получения информации об истории. А ведь на многочисленных сайтах размещена самая разнообразная информация о прошлом. Получить ее не составляет труда. В настоящее время 46% населения России пользуется интернетом, а на долю его активных пользователей приходится около трети населения. С помощью интернета многие читают книги, журналы, газеты, знакомятся с телепередачами, просматривают фильмы. К интернету обращаются для получения информации о товарах широкого потребления, медикаментах, маршрутах поездок, местах отдыха и так далее. Однако доля тех, кто в ходе опроса РОМИР назвал интернет «основным источником информации по истории», была так мала, что она затерялась среди 7 процентов опрошенных, назвавших «другие» источники.

Хотя многие пользователи обращаются за историческими справками к материалам, размещенным в интернете, их запросы, видимо, не носят систематический характер. Отчасти это связано с тем, что материалы интернета хаотичны и не всегда надежны. Зачастую справки на исторические темы составлены непрофессионально, и в этом также проявляется господствующее несерьезное отношение к истории. Наряду с ценными сведениями в интернете можно обнаружить массу недоброкачественной и ложной информации по вопросам истории.

Поэтому пользователи интернета могут легко стать жертвой обманщиков и фальсификаторов. Об этом свидетельствует содержание выступлений многих участников дискуссий на форумах интернета.

Подмена изучения истории легковесной болтовней на темы о прошлом произошла задолго до появления интернета. Она существовало еще в те времена, когда Достоевский изобразил в романе «Подросток» чиновника Петра Ипполитовича, который любил развлекать окружающих историческими анекдотами. В таких анекдотах история сводится к удивительному происшествию, которое используется для характеристики целой эпохи или выдающегося деятеля. При этом зачастую содержание анекдота не имеет никакого подтверждения в историческом прошлом, а в уста реальных исторических персонажей вкладываются фразы, которые те никогда не произносили. Герой Достоевского Версильов говорил своему сыну: «Все эти анекдоты — верх непорядочности... Желание соврать, с целью осчастливить своего ближнего, ты встретишь даже и в самом порядочном нашем обществе».

Но если во времена Достоевского в исторических анекдотах фигурировали Николай I и его министры, то с середины XX века героями таких анекдотов стали Сталин и люди из его близкого окружения. Любитель таких анекдотов публицист Юрий Боров без труда собрал более тысячи антисталинских баек, которые были опубликованы в сборнике «Сталиниада». Юрий Боров увидел в них «феномен особого рода — городской, интеллигентский фольклор». Судя по именам авторов устных рассказов, на которые ссылался Боров, многие из них были сочинены видными деятелями отечественной культуры.

Склонность воспринимать историю как легковесную забаву или светскую игру заставлял некоторых «любителей истории» прочно придерживаться ложных версий. Поверив телепередачам, книгам или статьям, в которых вопиющим образом искажена историческая правда, зритель или читатель с трудом отрывается от увиденного или прочитанного, даже если ему представлены убедительные опровержения.

Во-первых, многим трудно усомниться в правдивости создателей книг или передач, так как им не хватает собственных знаний для того, чтобы опровергнуть фальсификацию. Этому же способствует некритическое доверие к «авторитетным» источникам, вроде тех, кого пропагандирует телевидение. Несмотря на рост осторожного отношения к заграничным источникам, многие люди до сих пор склонны некритически принять лживые интерпретации нашей истории, рожденные злобной русофобией.

Во-вторых, потребители фальсифицированной продукции дорожат временем и усилиями, потраченными на ее просмотр или прочтение, а потому им

жаль отказываться от фальшивок. Убежденность в правоте лживой версии усиливается со временем. Люди привыкают к вымыслу, который сами распространяли, и им трудно пересмотреть свои взгляды, точно так же как трудно отказаться от любой вредной привычки.

В-третьих, ложная интерпретация истории нередко становится пропуском в круг друзей и знакомых, символом принадлежности к нему. Отказаться от нее часто означает ссору с теми людьми, чьим мнением дорожат. Если же кто-либо сам повторял сомнительные рассказы о прошлом, приносившие ему прежде известный успех в обществе, он тем более не желает отказываться от них.

Распространение лживой и вздорной информации о прошлом разлагает историческую память народа. Бесконечное повторение баек, иллюстрирующих одну и ту же фальшивую интерпретацию истории и увенчанных одной и той же плоской моралью, опошляет сознание людей, искажает даже подлинные личные воспоминания.

Вот немолодая женщина пересказывает историю пребывания своей тети в 1945 году в Берлине, на улицах которого та была регулировщицей. Поскольку регулировщицы не без оснований опасались за свою безопасность, они решили обзавестись оружием, которого им почему-то не выдали. Они пошли на железнодорожный узел, где были вагоны с военным имуществом, и вскрыли один вагон. Но внутри оказались лишь валенки. Этот, скорее всего, правдивый рассказ племянница ветерана войны завершает суровым приговором: "У наших не было оружия! Немцы стреляли из-за угла, а нашим солдатам предлагали отбиваться от них валенками!" И это говорится про армию, которая разбила немецко-фашистские войска, в том числе и благодаря превосходству в вооружениях!

Порой личные воспоминания сфальсифицированы от начала до конца в угоду политической конъюнктуре. Так, врач, являющаяся моей сверстницей, уверяет меня в том, что в советское время было запрещено вести дневники.

Распространение вздорного вымысла в рассказах о прошлом сочетается с вытеснением знаний об исторических фактах. Хотя за последние годы было выпущено немало трудов, написанных добросовестными исследователями на серьезной документальной основе, их тиражи, как правило, невелики, и это, прежде всего, означает, что огромное большинство людей не испытывают потребности в чтении такой литературы.

Крушение сложившихся представлений о прошлом, происшедшее 20 лет назад, убедило многих в неспособности историков защитить те положения, которые они ранее отстаивали. Даже многие патриотически настроенные люди усомнились в обоснованности исторических законов развития общества, а стало быть, и в ценности исторических знаний. Царящая ныне мешанина в исторической информации и оценках событий прошлого усилила скептическое отношение к исторической науке и заставляет многих ставить вопросы: "Нужна ли нам история? А не правы ли те, кто хочет исключить историю из обязательной школьной программы?"

Чтобы не превратить проведение Года Истории в пустую формальность, необходимо начать работу по восстановлению исторической памяти народа. Не только в течение одного года, а и в последующем следует добиваться пересмотра широко распространенного легковесного, несерьезного отношения к истории. Для этого необходимо очищать историческое сознание нашего народа от той чуши, которая проникла туда под видом "правды о прошлом", и распространять подлинные знания об истории.